

Страх в фольклоре: источники, общественная роль, способы преодоления

**Александр Михайлович Петров,
Максим Викторович Пулькин**

(Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН:
Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11)

Аннотация. В статье на материале духовных стихов, былин и мифологических рассказов рассмотрена проблема отражения эмоции страха в фольклоре. Предложена методика анализа, включающая несколько параметров: классификация источников и видов страха, выявление его социальной функции и способов преодоления. Зафиксированы основные физиологические проявления страха (оцепенение, ускоренная моторика, слезы, громкая речь, дрожь). Научные методы, использованные в статье, основаны на системном подходе и компаративном анализе различных жанров фольклора. В устном народном творчестве, как и в повседневной жизни, виды страха варьируются исходя из потребностей человека, в том числе связанных с настоящей необходимостью повседневного и долговременного выживания личности, возникновением и поддержанием социализации, ускоренной мобилизацией сил для борьбы с опасностями. Установлено, что ключевыми в народной культуре являются страхи экзистенциальные (страх смерти), духовные (страх Божий), иррациональные (страх перед вторжением потустороннего мира в пространство человека). В то же время эмоция страха выполняет и ряд важных общественных функций. В религиозном тексте культивирование «страха Божьего» помогает поддерживать христианское смирение; в былине страх дает импульс психологической мобилизации богатыря перед боем; в мифологических рассказах важны регламентирующая, дидактическая и развлекательная функции. Преодоление страха осуществляется при помощи устранения источника эмоции; психологического настроя; различных форм рационализации мистического дискурса.

Ключевые слова: эмоции, страх, боязнь, угроза, ужас.

Финансовое обеспечение осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания ИЯЛИ ФИЦ «КарНЦ РАН». Авторы выражают глубокую признательность анонимным рецензентам за ценные замечания и советы, способствовавшие существенно улучшению статьи.

Дата поступления статьи: 27 июня 2023 г.

Дата публикации: 25 сентября 2023 г.

Для цитирования: Петров А. М., Пулькин М. В. Страх в фольклоре: источники, общественная роль, способы преодоления // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С 77–89.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.006>

ВВЕДЕНИЕ

Исследование эмоционального мира личности и социума в настоящее время относится к числу приоритетных направлений

изучения общественного сознания, о чем свидетельствуют многочисленные публикации [Фролова 2006, 23–29; Робин 2007; Филимонова 2007; Сапожникова 2008,

12–19; Фаизова 2008, 628–630; Свендсен 2010; Касумов, Гасанова 2014, 35–45; Ба-ринов 2019, 39–48; Пиотровская, Труще-лёв 2020]. Постоянным спутником чело-веческого существования, оказывающим заметное влияние на все стороны жизни индивида, является эмоция *страха*. Каж-дому знакомо парализующее воздействие страха, которое лишает не только иници-ативы, но даже и способности трезво, ре-алистично оценивать ситуацию. Однако наряду с негативной оценкой современные исследователи выявили и положитель-ное значение разнообразных форм стра-ха в жизни личности и коллектива: страх «делает наш опыт необычайно интенсив-ным», «без страха мы пассивны». Эмоция страха дает возможность активизировать коллективное обновление бытия: «лишь перед лицом страха мы пробудимся к дей-ствию» [Робин 2007, 12–13]. Существо, не наделенное способностью бояться, «про-сто-напросто имеет меньше шансов на выживание и размножение по сравнению с существом, которое этой способностью обладает» [Свендсен 2010, 41].

Страх выполняет и важную социаль-ную функцию: он «может оказывать ин-тегрирующее воздействие» [Там же, 16], помогая более тесному взаимодействию индивидов, но порой создавая вообра-жаемый мир, населенный кошмарными существами, которым необходимо проти-востоять. Страх перед ними способен как подталкивать к коллективным действи-ям, так и сковывать активность. Опыт подсказывает, что наряду с реальными ужасами индивид или социум нередко имеет дело с иллюзорными страхами. Тот факт, что многие испытывают страх в от-ношении некоего явления, «не является гарантией того, что это явление действи-тельно представляет опасность» [Там же, 28]. Продолжая эту мысль, Л. Свендсен пишет: «...человеческий разум едва ли способен противостоять атаке страха» [Там же, 49]. Особое значение страха свя-зано с его способностью легко преодо-левать границы рациональности: «страх должен таиться за пределами наших ра-циональных способностей». Он действу-ет как «сверхъестественный захватчик», стремящийся «пересечь границы цивили-зации» [Робин 2007, 38].

Этологи не пытаются найти какой-то один универсальный механизм

возникновения страха, имеющий явную и устойчивую нейроанатомическую при-вязку: «они обнаружили в различных культурах и эпохах разные способы об-ращения со страхом» [Плампер 2018, 10]. Людям свойственно бояться раз-ного, а внешнее проявление страха мо-жет приобретать дифференцированные формы. В целом среди специалистов вы-работалось общее представление о том, что страх, как и ярость, является суще-ственным стимулом для интенсификации работы нервной системы. «Подобная де-ятельность обычно полезна, так как воз-никающие при этом органические изме-нения позволяют индивиду приспособли-ваться к новой ситуации» [Леви-Строс 2008, 191]. Более того, «страх одного рода способен вытеснять страх другого рода» [Сорочан 2015, 73].

Исторически среди населения Русского Севера жил страх перед некоторой сово-купностью экзистенциальных угроз. На протяжении веков в качестве источника главной угрозы рассматривалось сосре-доточенное государство — Шведское коро-левство, для которого северные террито-рии России оставались одной из значимых целей для агрессивных походов. Нападе-ния шведов становились как реальным источником неоднократной массовой ги-бели местных обитателей, значительного материального ущерба, так и причиной страхов перед появлением жестокого не-приятеля. Страх, связанный с внешней агрессией, после исчезновения реальной угрозы поддерживался, сохраняясь в па-мяти благодаря фольклорным текстам, прежде всего историческим преданиям [Криничная 1987, 153–170], а также ста-новился причиной массовой поддержки затратных мероприятий, нацеленных на формирование подразделений пашенных солдат, усиление пограничной стражи, создание оборонной промышленности.

Наиболее очевидным источником про-исхождения страха остается мысль о ре-альной возможности гибели от голода, не-счастливого случая, болезни. Условия жизни, в которых находилось большинство жите-лей Олонецкой губернии, в значительной мере предрасполагали к переживанию устойчивых, длительных и повторяю-щихся негативных эмоций, связанных со страхом перед вполне материальными и легко предсказуемыми на основе опыта

множества поколений жизненными трагедиями. В то же время период с начала XIX в. и до первых лет XX в. стал временем, когда значительное количество страхов, связанных с агрессией (нападения шведов), эксцессами религиозной жизни (старообрядческие самосожжения) и государственными мероприятиями (приписка к заводам и интенсивный принудительный труд) отошли в прошлое. Тем не менее разновидность страха, связанная с физиологическими основами человеческого существования, краткое отсутствие которых способно привести к гибели, постоянно оставалась в коллективной памяти северных крестьян [Тароева 1965, 126]. Социальные потрясения XX в. заметным образом актуализировали тематику, связанную со страхом, добавив к древним ужасам новые, существенно более масштабные и реалистичные основания для тревог.

Яркие переживания, связанные со страхом, интенсивно вытеснялись в сферу воображения, где получали новое осмысление и становились более ощутимыми. Подробная образная картина страхов представлена в фольклоре, который является ценным источником сведений о восприятии этой эмоции в массовых представлениях. Разноплановые исследования фольклорно-антропологического контекста эмоции страха в настоящее время предпринимаются на самом широком материале. Например, этой теме были посвящены отдельный том журнала «Фольклор и антропология города» [ФАГ 2020] и подборка статей «Фольклорные лики Фобоса» в альманахе «Традиционная культура» [ТК 2021]; исследование феномена страха в советской городской легенде предложено в работе [Архипова, Кирзюк 2020] (см. также рецензию: [Ахметова 2020]). Традиционно большое внимание уделяется теме страха в детском фольклоре, интернет-фольклоре и т. д. [Лойтер 1998; Матвеева 2017; Мирвода 2021; Мирвода, Строганов 2021] и др.

Цель предлагаемой статьи — попытаться внести свой вклад в имеющиеся методики анализа эмоции страха на материале фольклорных текстов. Задачи: критический отбор фольклорного материала; классификация источников и видов страха исходя из значимости и степени их распространённости; выявление основных аспектов воздействия страха на массовое

сознание (т. е. общественной роли); описание важнейших способов преодоления страха.

Источниковой базой послужили материалы следующих жанров: *духовные стихи*, *былины*, *мифологические рассказы*. Материал отбирался по нескольким критериям. Во-первых, установка перечисленных жанров на *достоверность*, что позволило найти некоторую общую основу для разнородных текстов и сюжетов. Разные виды страха осознаются в этих жанрах как *реальные*. Во-вторых, были установлены региональные ограничения: привлекались преимущественно фольклорные тексты локальной севернорусской традиции. В-третьих, были использованы тексты широкого хронологического среза (XIX–XX вв.), что дало возможность увеличить выборку и получить обобщенную картину, не привязанную к узкой временной перспективе. В-четвертых, использовались только опубликованные тексты из научных сборников: [Рыбников 1989; Криничная 2011; 2014; Кузнецова 2015]. В-пятых, привлечены и стихотворные (в том числе достаточно крупные), и прозаические (в том числе достаточно малые) жанры: благодаря этому было достигнуто равновесие по критерию формы фольклорного текста, а сам материал охарактеризован с разных сторон. Разнородный материал на данном этапе работы необходим для тестирования предлагаемой методики: он позволяет выровнять отклонения, которые могут быть существенными, если для анализа использован только один жанр. В дальнейшем обязательному подробному обследованию подлежат другие жанры фольклора: причитания, предания, легенды, сказки и т. д.

При сборе материала использовалась сплошная выборка.

ИСТОЧНИКИ СТРАХА

Богатый материал содержится в **духовных стихах**, что не в последнюю очередь обусловлено религиозной картиной мира, характерной для жанра. Совокупность оттенков эмоции страха представляет целую иерархию, в которой можно выделить следующие ключевые элементы.

Стержневой элемент — это «**страх Божий**». В словаре В. И. Даля *страх Божий* выделен в отдельную смысловую подгруппу: «гроза, угроза или острастка;

покорство уstraшенного, послушание; сознание ответственности», «благочестие, боязнь греха» [Даль 1982, 336, 337]. Также формула «со страхом» — это «возглашение на литургии» [Там же, 337]. Ее истоки — в Псалтыри: «Работайте Господу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс. 2: 11). В фольклоре влияние литургии нашло отражение в следующей формуле: «Со страхом мы, братие, // Мы послушаем Божия писания // Господних страстей» [Кузнецова 2015, 78–79].

Представление о *страхе Божиим* реализовано, в частности, в ряде сюжетов о Страшном суде. Судный день в христианском сознании вызывает особые эмоции: «Уже жизнь моя скончается, // И день судный приближается. // Ужаснись, душе, суда страшного // И пришестьи всеужасного» [Там же, 190]. В религиозном дискурсе страх предстает как всеобъемлющая эмоция вселенского масштаба: «Небеса вся ужаснутце, // И земля вся вострепещитце — // Тогда вся тварь уstraшитьце» [Там же, 141].

Под влиянием христианской картины мира больше всего страшат человека страсти, которые в нем подспудно дремлют, всегда готовы прорваться наружу и привести душу к гибели. Человек, который поддается страстям, чувствует вину за духовную слабость: «Вижу я погибель, // Страхом вся объята. // Горе мне, увы мне, // Горе мне, увы мне, // Во младой во юности. // Борут мнози страсти, // Не знаю, как быти, // В чем коня смирити, // В чем коня смирити, // В руках вождей нету» [Там же, 212].

Отражен в народно-христианских произведениях и **страх перед физической смертью**: «А и впредь что последует, // То страшно сказати, // Нас и смерть острым серпом имеет пожати» [Там же, 34].

В народной культуре нашел отражение известный библейский сюжет о всемирном потопе — духовный стих на эту тему называется «О страшном потоппи Ноевом» [Там же, 145]. Воды потопа, несущие смерть, вызывают у людей экзистенциальный ужас: «Потоп страшон умножалсэ, // Народ, видя, испужалсэ: // Гнев идёт! Гнев идёт! // Видя воды, многи, люты, // Подбежали в горы круты, // Там спастись, там спастись» [Там же].

Этот же страх смерти испытывают братья Борис и Глеб — канонизированные

святые Русской православной церкви. Братья готовы отказаться от своего высокого общественного положения ради сохранения жизни: «О, брате, наш старший, // Велий Владимире Святополче, // Или хочешь владеть нами // И всю великою Россиею, // Имей ты нас в дому своем // В работе вечно слугами» [Там же, 540]. Жития святых оставались эталоном, на основе которого выстраивались жизненные приоритеты верующих. Обозначение страхов, присущих святым, по этой причине становится особенно значимым элементом эмоциональной составляющей христианского мировоззрения.

В духовных стихах описаны и другие разнообразные конфликты между персонажами, в том числе опасные для жизни. К их числу относится бескомпромиссное противостояние между язычником и христианским святым (стихи о Егории Храбром, о Кирике и Улите, о Федоре Тироне и др.). В ряде случаев чувство опасности и страха испытывает не сам святой, а его мать. Таким образом, получает отражение родительский инстинкт и связанные с ним переживания: «Стал просить благословения // У матушки у родимыя // Поехать к Кудреяну Кудреянищу // Измещить обиды все родительския. // Унимает его матушка родимая: // “Не поезжай! У Кудреяна Кудреянища // Есть три заставы, три великия...”» [Там же, 77] (стих о Егории Храбром).

За Христа боится Богородица: один из сюжетов («Сон Богородицы») повествует о том, что Она увидела вещий сон о распятии Сына: «Страшен сон я во снах видала» [Там же, 74]. Страх Богородицы сопровождается слезами: «Восплачется тут Мати-Мария, // Пречистая Дева Пресвятая» [Там же, 75].

Источником угрозы могут стать чудовища, созданные человеческим воображением: «А и тебе змея лютая, да страсть великая, // Выплывала она да со синя моря, // Поедала она жизнь да человеческу, // На каждый день, да и на каждую ночь // По головы брала по человеческой» [Там же, 232].

Человека также страшит не просто смерть сама по себе, но смерть мучительная. Например, в некоторых сюжетах властелин предаёт святого на пытки, среди которых можно выделить пытку пламенем, испытание огненной стихией (стих о Кирике

и Улите): «Ужаснулася мати его Улита // Этого реву котельного» [Там же, 410].

Наконец, наименее существенный страх — скорее, некая тревога или беспокойство — это **страх нарушения какого-либо регламента, этикета, правила, социальной нормы**. Например, в стихе «Жил юный отшельник...» послушник, покинувший пределы монастырской обители, забывает о времени. Его ждут к трапезе, а он все еще в лесу: «И боится, что он запоздает в пути, // Уж к трапезе ждут и пора бы прийти» [Там же, 33].

В значительно меньшей степени эмоция страха отражена в жанре **былины**, на что ранее уже указывалось: [Мазалова 2009]. Просмотренные нами материалы в целом подтверждают это наблюдение. Однако некоторые моменты требуют незначительного уточнения. Например, герои-богатыри все же могут бояться предстоящего **боя, могучего противника** и возможной **смерти**: «Вышел Добрыня на широкий двор, // Посмотрел как на татаровой поганных, — // Стоят татаровья престрашные, // Престрашные татаровья, преужасные: // Во плечах у них так велика сажень, // Межу глазыми велика пядень, // На плечах головушки, как пивной котел. // У Добрыни сердечушко ужахнулось...» [Рыбников 1989, 127].

Из противников, которые наводят ужас, наиболее известным является Соловей-разбойник: «Свищет Соловей он по-соловьевому, // Воскричит-то он, злодей, по-звериному: // Темны лесушки к земле преклоняются, // Что есть людишек, все мертвы лежат» [Там же, 96]. Еще один противник, вызывающий страх, — Идолище: «Приезжал Одолище¹ поганое в стольно-Киев-град // Со грозою со страхом со великим // Ко тому ко князю ко Владимиру» [Там же, 108].

Князь Владимир также испытывает страх перед противником: «А Владимир-князь в палатах княженецких // Он сидит да приужахнулся» [Там же, 111]. При этом имеется «описание соматических проявлений страха (герой временно утрачивает способность двигаться)»: «Резвы ноженьки подломилися, // Царски ручки приопали об себя» [Мазалова 2009, 285].

Таким образом, ужас наводит огромное количество силы противника (с чем

связан страх смерти) и разного рода чудовища, подчеркнуто «расчеловеченные», что усиливает страх перед ними.

Как и в духовных стихах, имеется в былине и мотив предостережения героя матерью, испытывающей естественную тревогу за сына: «Добрынюшке матушка говорила, // Что “молод стал ездить во чисто поле, // На тую гору Сорочинскую, // Топтать-то молодых змеенышей, // Выручать-то полонов русских. // Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке, // Пучай-река есть свирепая: // Середня струйка как огонь сечет”» [Рыбников 1989, 197].

Испугаться может герой былин новгородского цикла Садко — при встрече с морским царем [Померанцева 1975, 61].

Этими примерами, собственно говоря, и исчерпывается эмоция страха в былине. Скрудны и описания физиологических проявлений страха; из редких примеров — оцепенение князя Владимира. Обычно страх лишь констатируется краткой формулой «приужахнулся» или подобной.

Совсем иная картина — в русских **мифологических рассказах**, которые предоставляют самый широкий простор для выражения потаенных человеческих страхов и глубинных образных фантазмагорий. Прежде всего, в текстах быличек отражен **страх встречи с потусторонним, иномирным, непонятным, «чужим»**.

Страх вызывают персонажи низшей народной мифологии, например **водяной**: «Стал окрестный народ очень побаиваться <водяного>, перестал из того озера воду брать, а наконец и подходить близко к нему, даже днем» [Криничная 2014, 170]. Встречаются в русской мифологии и мифические существа неопределенной природы, также наводящие ужас на человека. Например, после встречи у реки с неким персонажем («маленький дитенок — парень ли, девка» [Там же, 177]) рассказчица испытывает такой сильный страх, что немедленно бросается бежать: «...я бежала — вся почернела от страху!» [Там же, 170]. К персонажам, связанным с водой, относится и **русалка**: «Шел дедушка по мосту в пять утра. И слышит из воды голос: “Миша!”. Он очень испугался и упал в обморок. Его подобрали люди и отвезли

¹ Идолище — Прим. изд.

в больницу. И он сказал, что видел русалку» [Там же, 182].

Представления о наводящих на людей страх мифологических персонажах, связанных с водной стихией, распространены не только в русском, но и, в частности, в карельском фольклоре [Иванова 2012, 392–455].

Наполнено пугающими явлениями и **лесное пространство**. По сюжету одного из мифологических рассказов героиня заблудилась в темном, страшном лесу. Согласно фольклорным представлениям, в лес ее увела некая **безличная неперсонифицированная сила**: «Зашла в темный лес, — говорит, — как напугалась, как наревелась, наплакалась. Одна ночью ходила» [Криничная 2011, 204]. Лес как «чужое» пространство пугает своей таинственностью и скрытymi в его дебрях угрозами: «И вот мать как-то тоже рубила дрова в лесу. Слышит: кричать стали на разные голоса, по-всякому. Туман тоже. Испугалась, что черти идут. Поскорее ушли» [Там же, 217]. Часто в фольклоре лесное пространство предстает как место обитания **лешего** (лесовика). Леший может обнаруживать себя странными звуками, например свистом: «Одна старушка ходила в лес по ягоды. Заблудилась. Вот. Ходила-ходила-ходила. То же самое думает: леший. Ну, свистит-свистит — ёна всё прислушивается, всё прислушивается. Боится <...>. Вот и пошла домой. Всё свистит, всё свистит. Что за беда, кругом всё свистит» [Там же, 217–218]. Обитатели «иного» мира обычно молчат (как молчат мертвые): «Они, лесовики-то, не разговаривают с людьми». Однако вызванный ими страх настолько силен, что человек впадает в своего рода оцепенение: «...идет она-то, вся белая, помертвела вся, как смерть стала» [Там же, 221]. Мифологические рассказы фиксируют психофизиологическую реакцию на объект, вызвавший страх: «Ой, до того напугал меня шишко, дак ажно дрожь на сердце, кровь сменилась в лице» [Там же, 237].

Многочисленные опасности могут подстергать человека и дома. Персонажем, который воплощает эти страхи, является **домовой**. Домовой может душить, пугать человека стуком или стоном [Померанцева 1975, 106]. При этом домовой «в основном добр» [Там же, 115]; пугающей и опасной силой он становится в том случае, если

домочадцы нарушили какое-то неписаное правило в отношениях с домовым, как-то его обидели. Например, домовой может насылать несчастья, если человек при переезде не пригласил его в новое жилье [Там же, 110]. «Встреча с домовым <...> небезопасна для человека» [Криничная 2004, 157]. Он может похитить новорожденного [Там же, 162–164]. Приход домового мог ассоциироваться с приходом болезни или смерти [Там же, 169–172], поэтому его боялись.

Ипостасью домового является **банник**, более опасный для человека; он вызывал страх у крестьян [Померанцева 1975, 115]. Банник, согласно верованиям, может запарить человека до смерти.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РОЛЬ

В народной культуре эмоция страха выполняет ряд важных социальных функций. Разные фольклорные жанры обладают в этом плане разной прагматикой, разным «целеполаганием».

Так, «страх Божий», подробно воссозданный в **духовных стихах**, помогает поддерживать в человеке христианское смирение, благочестие. Напоминание о грозном Судном дне призвано направить людей на праведный путь через осмысление собственного бытия, через оценку поступков, через соотнесение земной судьбы с высшим нравственным идеалом. При этом «современные интерпретаторы склоняются к такому толкованию, что страх Божий не есть страх перед Богом и боязнь Его наказания <...>. Это скорее боязнь оскорбить своим грехом и несовершенством образ Бога, исказить его, стать недостойным Его любви» [Ремезова 2020, 208].

Важны и подробные сцены предания святого на муки (колесование, утопление, сжигание живьем, распятие на кресте и т. д.): они вызывают чувство ужаса у той аудитории, для которой стихи исполняются. Однако святой не погибает (широко распространена формула наподобие следующей: «Ничто Егорью не подеяло»): всякий раз вмешивается Божественная воля, Божий промысел, и мученик остается невредим (он не горит в огне, не тонет на воде и т. д.). Поэтому картины физических пыток убеждают слушателей в ценности христианской веры: чудесные спасения святых доказывают

с точки зрения религиозного сознания всемогущество Бога. Так чувство страха становится прочным «мостом» к вере, страх переформируется в свою противоположность: безусловная вера всегда, по мнению верующего, спасет от любых опасностей и невзгод, даже от смерти. Ср.: «Не страшись, душе, страха тленного, // Не убойся ты огня вечного, // Изливай, душе, речи слезные, // Простирай к Богу мольбы многия, // Крепко на него всегда уповай, // Во веки веком его прославляй» [Кузнецова 2015, 190].

В **былинном** тексте роль эмоции страха иная. В жанре героического эпоса чувству ужаса отводится скромное место. Защитник родной земли может бояться предстоящего сражения с могущественным противником. Но, согласно жанровым канонам, страх этот сиюминутен и служит, скорее, **мобилизации физических и духовных сил** перед сражением. Функция страха здесь — **подчеркнуть силу** героя, **значимость** его подвигов. Их ценность тем выше, чем страшнее антагонист. Герои былинного эпоса служат своего рода образцами для подражания: если страх смерти сумели преодолеть они, то сумеют и другие.

В **мифологических рассказах** важна **дидактическая** функция. Именно поэтому героями и адресатами «страшных» историй часто являются дети (хотя мифологические рассказы обычно предназначены не для них). Детское восприятие мира и мифологии является более искренним, дети ближе к мифологии; они скорее поверят в неправдоподобную историю, чем взрослые. Неслучайно взрослые в воспитательных целях пугают детей страшными персонажами, в этом случае суеверия поставлены на службу рациональным соображениям: «Раньше считали, что во ржи есть кудельница. Мы ходили васильки-то рвать, ну вот нас этим и пугали, чтобы мы не рвали рожь, из-за этого только...» [Криничная 2011, 441]. Страшные истории о лешем, водяном и др. должны были научить детей остерегаться опасных для жизни пространств: леса (где можно заблудиться), воды (где можно утонуть) и т.д., а также помочь освоить неписанные правила поведения, поскольку от «пространства вне дома» скрыться было невозможно, а в крестьянском быту и вовсе невыносимо.

Пребывание в опасном пространстве (или в непосредственной близости к нему) было обставлено рядом строгих **регламентаций**, которые, согласно мифологическим представлениям, не позволяли человеку пересечь незримую черту между «своим» и «чужим» мирами: «...взаимодействие леса и селения основывается на строгих предписаниях и запретах, обеспечивающих равновесие в мироздании. При нарушении <...> этикета во взаимоотношениях континуумов наступает хаос» [Там же, 70]. В быличках четко обозначаются ритуально-этические нормы поведения в лесу (см.: [Там же, 68–69]), на воде (см.: [Криничная 2004, 340, 356]) и т.д.

В тот момент, когда уходит вера в реальность мифологического нарратива и его героев, на передний план выступает уже **развлекательная, эстетическая** функция эмоции страха. Мифологические истории могут рассказываться ради «острых ощущений»; в современной массовой культуре, литературе, кинематографе к этому жанру ближе всего «ужастики» о сверхъестественных силах, призраках, привидениях, потустороннем мире и т.д.

ПРЕОДОЛЕНИЕ СТРАХА

Преодоление страха — всегда крайне труднодостижимая цель. Успех здесь определяется не только интенсивностью и масштабом угрозы, но и психологическими характеристиками, личными качествами персонажа фольклорного произведения.

В **духовных стихах** отражена религиозная картина мира. Ее стержневой элемент — «страх Божий». В религиозном дискурсе для страхов существуют противовесы, которые не дают человеку соскользнуть в бездну непреодолимого ужаса, хаоса и энтропии. Страх неизбежной смерти преодолевается с помощью веры в загробную жизнь; страх падения в ад — верой в силу добрых дел, которые спасут человека от вечных мучений. «Страх Божий» смягчается верой в незыблемую силу покаяния, молитвы и т.д. Психологическую опору для преодоления негативных эмоций верующие находят в трансформации страха в надежду на вечное спасение. Такое восприятие страха стало своего рода средством «психологической мобилизации»

духовных сил для обретения смысла жизни.

В стихе «Сон Богородицы» страх матери за жизнь сына преодолевается успокоением через обетованную надежду на воскресение. Страх Богородицы как бы «проговаривается» в диалоге с Христом, и ужас отступает за пределы спектра актуальных эмоций: «Кто бы мне тот сон прирассудил? // Кто бы мне тот сон прирассказал? <...> Сам Я этот сон прирасскажу, // Сам Я этот сон прирассужу <...> В третий Я день, Мати, воскресну, // Сам Я по тебя, Мати, буду...» [Кузнецова 2015, 75].

Под влиянием былинной поэтики в духовных стихах появляются герои, которые преодолевают страх перед противником при помощи веры в собственную физическую силу, — таковы, к примеру, Егорий Храбрый, Федор Тирон.

Не безнадёжен и страх в **былине**. Эпос подчеркнуто воинственен. Противники богатырей и князя Владимира чрезвычайно могущественны и обладают громадным численным превосходством. Поэтому предлагается, в сущности, лишь один путь — апелляция к физической силе, а также упование на то, что из безнадёжного положения найдется какой-то выход. Для богатырей этот выход — броситься «в омут с головой», иначе только смерть. Так, Добрыня перед началом боя кричит (громкий крик — это тоже своего рода физиологическая реакция на чувство страха): «Не видать-то нам свету белого: // Побьют-то нас татаровья поганые!». И сразу же: «Стал Добрынюшка татаровой отпихивать, // Стал он татаровой оттолкивать: // По двое, по трое стало по двору кататься» [Рыбников 1989, 128]. Ничего иного богатырю уже не остается, но и силы его, и без того немалые, в экстремальной ситуации удваиваются-утраиваются, удесятеряются.

Однако не только чувство отчаяния движет богатырями. Преодолеть страх им помогает и искренняя вера в собственную удачу, силу, хитрость, сверхъестественные способности, т. е. некоторая самоуверенная «лихость». Илья Муромец говорит: «На бою мне-ка смерть не написана» [Там же, 108]. Где-то на стыке этих противоречивых эмоций и обнаруживается путь к спасению.

Для князя же Владимира единственный выход — поиск защиты у богатырей.

Они его и утешают: «Не кручинься, Владимир, не печалься <...> Поеду я в раздольице чисто поле // И убью-то я Идолища поганого» [Там же].

В **быличках** способом преодоления страха стали разные формы рационализации фантастических событий. Одна из них — указание на некое «пограничное» (измененное) состояние сознания, в котором пребывал рассказчик при контакте с существами из «иного» мира (например, некое помешательство, затемнение или бред) [Криничная 2011, 65, 100]. Необходимым элементом быличек и бывальщин часто является *сон* или *опьянение* визионера [Там же, 508]. Это важная предпосылка для встречи с потусторонними сущностями. Ср.: «Сам видел <лешего>. Я шол-шол с похмелья» [Там же, 245]. Однако это же обстоятельство привносит в текст некоторые юмористические нотки. Страх здесь преодолевается смехом, отрицательная эмоция **вытесняется** положительной. Очевидна попытка отгородиться от источника страха при помощи ослабления веры в истинность мифологического нарратива: все это померещилось, или был пьян, или задремал, или был «не в себе»; на самом же деле никакой опасности нет.

Формой рационализации стала отсылка к прошлому: по словам информантов, все, что описано в быличке, происходило в далеком прошлом: «Мы жили раньше, так боялись. А теперь никто ничего не боится. И пугать нечем. Не боятся!» [Там же, 326] (из рассказа, записанного фольклористами в 1977 г.). Для подобных мотивов характерны устойчивые формулы «было время», «в те поры, когда и лесов было больше, и болот с трясынами» и т. п. [Померанцева 1975, 47]. Это, на наш взгляд, связано с техническим прогрессом, расширением источников информации о мире, ростом образования и критическим восприятием сюжетов мифологии современным сознанием.

Также страх может преодолеваться через устранение источника этой эмоции. Здесь возможны следующие варианты:

1. Молитва, крест, иконы и прочие атрибуты христианства: «...нашелся один мудрый человек из стариков-отшельников, живших в лесной келейке неподалеку. Он и подал добрый совет: “Надо, — говорит, — иконы поднять, на том берегу

Миколу Угоднику помолиться, водосвятной молебень заказать и той святой водой побрызгать в озерную воду с кропила» [Криничная 2014, 170]; «Я, говорит, только молитву-то сотворила, деенка-то², а человек-то этот исчез» [Криничная 2011, 238]; «Ну, наконец я утрусил, да перекрестился и пошел. И ничиво не стало, а уж испужался» [Там же, 245]; «Как вышли на горку — а сплавной поселок. Господи Иисусе! Давай глаза крестить, слава тебе, Господи!» [Там же, 347]. Христианские образы и мотивы, следовательно, выступают в роли спасительного противовеса демоническим персонажам, чей устрашающий потенциал «блокируется» мощью Божией благодати.

2. Внехристианские атрибуты, слова, ритуальные действия. В частности, если речь идет о блуждании в лесу, то, «чтобы вернуться из инобытия в мир людей, нужно <...> переодеть одежду наизнанку, т. е. с верхней стороны на нижнюю, поменяв местами верх и низ, что повлечет за собой смену иного пространства на свое, привычное, знакомое» [Там же, 56]. С возвращением в пределы «своего» мира исчезает и чувство страха. «Избавиться от лешего можно было не только господним именем, но и матерной руганью, а также если выстрелить в него медной пуговицей. Спастись от лешего можно, если его рассмешить» [Померанцева 1975, 36].

В мифологических рассказах часто встречается мотив спасения от нечистой силы бегством, т. е. возвращением в границы «своего» мира: «Мы с ей это думаем: “Нет, это лешай нас сейчас съест” <...> И как взяли вот эти юбки в руки да мы как босиком. Наверно, длинный мост был, дак мы и свету белого не видели. Вот выше нас летела грязь. Прибежали туда — вот так вот все дрожали» [Криничная 2011, 359].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы предложили один из возможных алгоритмов анализа эмоционального мира в фольклоре на примере эмоции *страха*. В основе нашей методики — последовательное рассмотрение эмоции от ее зарождения (ядра) через образную манифестацию к вытеснению из актуального

спектра личностных переживаний. Необходимый компонент анализа — установление общественной роли эмоции страха. По возможности были зафиксированы и физиологические проявления (оцепенение, плач, дрожь и т. д.), хотя далеко не всегда этот аспект попадает в поле зрения носителей традиционной культуры.

Различные фольклорные жанры рассматривают проблему страха по-разному, предлагая слушателю различные концепции источников страха и способов его преодоления. Так, во всех жанрах, безусловно, превалируют **экзистенциальные** страхи: смерть, мучения, гибель в бою и т. п. Однако в зависимости от жанра и его ценностных установок на передний план выступает страх *смерти тела* (былины, народная мифология) или страх *смерти (погибели) души* (духовные стихи). Во втором случае в центр выдвигается представление о **«страхе Божием»**, усвоенное из христианской топики. Здесь у эмоции страха появляется отчетливая ценностная, нравственная окраска; реализуется значимая для духовных стихов идея этической оценки мыслей и поступков.

В традиционной культуре (и не только в ней) мир предстает как бы разделенным на два фундаментальных пространства: «свое» и «чужое». В рамках этой мировоззренческой парадигмы «свое» всегда привычно и безопасно, а «чужое» может быть интересным и заманчивым, но и почти всегда страшным, жутким. Иррациональный **страх перед «чужим»** наиболее полно реализован в мифологических рассказах, в которых описан целый ряд персонажей, связанных с различными стихиями и пространствами (леший, водяной, домовый и т. д.). Вторжение потустороннего всегда несет ужас и хаос, поэтому первой задачей человека, оказавшегося «на перепутье миров», является возвращение «домой». По всей видимости, **страх «чужого»** является разновидностью **страха смерти**, поскольку именно гибелью обычно грозит столкновение с представителем «ино-го мира».

Страх становится и важным фактором стратегии повествования, формирования устойчивых сюжетов и повышения степени воздействия на слушателя, чтобы

² Деенка (деинка) — тетя, жена дяди со стороны отца или матери, родного или двоюродного [Криничная 2011, 605].

превратить фольклорные сюжеты в паттерны повседневного поведения индивида. Разные жанры и здесь предлагают дифференцированную картину. В **духовных стихах** страх предстает в качестве одного из путей к вере, к Богу; как инструмент воспитания христианского смирения. В **былинах** важен контраст между силой воздействия страха и результатом его преодоления. Острота эмоции помогает богатырям мобилизовать физическую и духовную мощь и разгромить противника. Слушатели же получают зримый образец героического поведения. В **мифологических рассказах** эмоция страха служит цели регламентации повседневного бытия человека в окружающем мире. Если же рассказ предназначен для детей, то актуализируется воспитательная функция. При исчезновении веры в реальность мифологических персонажей на первый план выступает задача развлекательная.

Что касается *преодоления* страха, то и здесь нет какого-то одного рецепта. Важнейший способ — **устранение** самого **источника** страха. В суеверных меморатах

это могут быть разного рода ритуальные действия или слова как христианского, так и внехристианского генезиса: молитва, крест, икона и здесь же — матерная брань и смех. Также это и паническое бегство с возвращением в «свой» мир. В духовных же стихах это устранение невозможно, поэтому данный жанр предлагает другой путь: **принятие неизбежного**, но с верой в воздаяние, высшую справедливость и вечную жизнь.

Для преодоления страха важен **психологический настрой**, и примеры такого настроя дает былина. Богатырям, верящим в свою силу, даже в тяжелой ситуации удастся одолеть противника. Не менее важны разного рода способы **рационализации** и **«проговаривания»** пугающих вещей: мистика былички объясняется нетрезвым состоянием героя; сами события относятся к далекому прошлому и в современном «высокотехнологичном» мире невозможны; действительность легче принять, если кто-то близкий скажет слова утешения (как в диалоге Богоматери и Христа).

Источники и материалы

Даль 1982 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Рус. яз., 1982.

Иванова 2012 — *Иванова Л. И.* Персонажи карельской мифологической прозы: Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Ч. 1. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2012.

Криничная 2011 — *Криничная Н. А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии: Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2011.

Криничная 2014 — *Криничная Н. А.* Мифология воды и водоемов. Былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. Петрозаводск: Кар. науч. центр РАН, 2014.

Кузнецова 2015 — *Кузнецова В. П.* (сост.) Духовные стихи Русского Севера. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2015.

Рыбников 1989 — *Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Т. 1: Былины / Под ред. Б. Н. Путилова; Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец.* Петрозаводск: Карелия, 1989.

Исследования

Архипова, Кирзюк 2020 — *Архипова А., Кирзюк А.* Опасные советские вещи: Городские

легенды и страхи в СССР. М.: Новое лит. обозрение, 2020.

Ахметова 2020 — *Ахметова М. В.* Советские страхи в зеркале фольклора // Живая старина. 2020. № 2. С. 64–67.

Баринов 2019 — *Баринов Д. Н.* Страх как социальный феномен // Гуманитарный научный вестник. 2019. № 2. С. 39–48.

Касумов, Гасанова 2014 — *Касумов Т. К., Гасанова Л. К.* Страхи в жизни и жизнь в страхе // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 35–45.

Криничная 1987 — *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987.

Криничная 2004 — *Криничная Н. А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Акад. Проект: Гаудеамус, 2004.

Леви-Строс 2008 — *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Акад. Проект, 2008.

Лойтер 1998 — *Лойтер С. М.* Детские страшные истории («страшилки») // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М.: Ладомир: АСТ-ЛТД, 1998. С. 56–66.

Мазалова 2009 — *Мазалова Н. Е.* Эмоции героев русского эпоса // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 283–287.

Матвеева 2017 — *Матвеева Э. Г.* Когда душа в пятках, а глаза на лбу: маркеры страха и режимы вовлечения в детских страшных исто-

риях // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 12 (33). С. 120–129.

Мирвода 2021 — Мирвода Т.А. «Страшный» фольклор в Сети или сетевой страшный фольклор? К проблеме определения и типологизации страшных нарративов Интернета // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 2. С. 68–80.

Мирвода, Строганов 2021 — Мирвода Т.А., Строганов М.В. Страхи и страшные рассказы детей в эпоху Интернета // Культура и текст. 2021. № 4. С. 129–147.

Пиотровская, Трущелёв 2020 — Пиотровская Л.А., Трущелёв П.Н. Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциональности учебных текстов // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 991–1016.

Плампер 2018 — Плампер Я. История эмоций. М.: Новое лит. обозрение, 2018.

Померанцева 1975 — Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.

Ремезова 2020 — Ремезова И.И. О страхе и его социокультурных функциях: Аналитический обзор // Вестник культурологии. 2020. № 4. С. 191–222.

Робин 2007 — Робин К. Страх. История политической идеи. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007.

Сапожникова 2008 — Сапожникова И.В. К вопросу о сущности страха в мифологиче-

ском мышлении // Известия Российского государственного педагогического университета. 2008. № 78. С. 12–19.

Свендсен 2010 — Свендсен Л. Философия страха. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

Сорочан 2015 — Сорочан А.Ю. Дискурсы ужасного: к постановке проблемы // Все страхи мира: Ногг в литературе и искусстве. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. С. 56–76.

Тароева 1965 — Тароева Р.Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): Этногр. очерк. М.; Л.: Наука, 1965.

ТК 2021 — Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 2.

ФАГ 2020 — Фольклор и антропология города. 2020. Т. 3. № 1–2.

Фаизова 2008 — Фаизова Г.И. Страх как важнейшая характеристика человеческого бытия // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 3. С. 628–630.

Филимонова 2007 — Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учеб. пособие. СПб.: Книжный Дом, 2007.

Фролова 2006 — Фролова О.С. Страх как феномен культуры // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2006. № 59. С. 23–29.

© А. М. Петров, М. В. Пулькин, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Петров А.М. <https://orcid.org/0000-0002-5095-4254>

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН: Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; тел.: +7 (8142) 78-18-86; e-mail: hermitage2005@yandex.ru

Пулькин М.В. <https://orcid.org/0000-0001-8846-1781>

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН: Российская Федерация, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; тел.: +7 (8142) 78-18-86; e-mail: mvpulkin@mail.ru

Fear in Folklore: Sources, Social function, Ways It is Overcome

**Alexander M. Petrov,
Maxim V. Pulkin**

(Institute of Linguistics, Literature and History, the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences: 11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Summary. This paper considers how the emotion of fear is reflected in folklore, based on the analysis of spiritual verses, bylina-epics, and mythological stories. It proposes a technique for evaluating the emotion of fear. This includes several parameters: classification of the sources and

types of fear, identification of its social function, and ways it is overcome. The main physiological manifestations of fear — numbness, accelerated motor activity, tears, loud speech, trembling — are considered. The research methods used in the paper are based on a systems approach and comparative analysis of various genres of folklore. In folklore, as in everyday life, types of fear vary based on human needs, including those related to the need for daily and long-term survival of the individual, the emergence and maintenance of socialization, and the accelerated mobilization of forces to combat danger. The authors suggest that the key fears in folk culture are existential (fear of death), spiritual (fear of God), and irrational (fear of the other world's invasion of human space). At the same time, the emotion of fear also performs a number of important social functions. In a religious text, it cultivates the “fear of God” and helps maintain Christian humility; in a bylina-epic, fear gives impetus to the psychological mobilization of a hero before battle; in mythological stories, regulatory, didactic and entertaining functions are important. Overcoming fear is carried out by eliminating the source of the emotion; by psychological disposition; and various ways of rationalizing mystical discourse.

Key words: emotions, fear, dread, threat, horror.

Acknowledgements. The paper was written as part of the state commission assigned to the Karelian Research Centre, RAS.

Received: June 27, 2023.

Date of publication: September 25, 2023.

For citation: Petrov A. M., Pulkin M. V. Fear in Folklore: Sources, Social Function, Ways It Is Overcome. *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 3. Pp. 77–89. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.006>

References

Arkhipova A., Kirzyuk A. (2020) Opasnye sovetskie veshchi: Gorodskie legendy i strakhi v SSSR [Scary Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. In Russian.

Akhmetova M. V. (2020) Sovetskie strakhi v zerkale fol'klora [Soviet Fears in the Mirror of Folklore]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2020. No. 2. Pp. 64–67. In Russian

Barinov D. N. (2019) Strakh kak sotsial'nyi fenomen [Fear as a Social Phenomenon]. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik* [Humanitarian Scholarly Bulletin]. 2019. No. 2. Pp. 39–48. In Russian.

Kasumov T. K., Gasanova L. K. (2014) Strakhi v zhizni i zhizn' v strakhe [Fear in Life and Life in Fear]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2014. No. 1. Pp. 35–45. In Russian.

Krinichnaya N. A. (1987) Russkaya narodnaya istoricheskaya proza. Voprosy genezisa i struktury [Russian Folk Historical Prose: Questions of Genesis and Structure]. Leningrad: Nauka. In Russian.

Krinichnaya N. A. (2004) Russkaya mifologiya: Mir obrazov fol'klora [Russian Mythology: The World of Folklore Images]. Moscow: Akademicheskii projekt: Gaudeamus. In Russian.

Levi-Stros K. (2008) Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology]. Moscow: Akademicheskii projekt. In Russian.

Loyter S. M. (1998) Detskie strashnye istorii (“strashilki”) [Childish Scary Stories (“Strashilki”). In: Russkii shkol'nyi fol'klor. Ot “vyzyvaniy” Pikovoi damy do semeinykh rasskazov [Russian School Folklore: From “Evocations” of the Queen of Spades to Family Stories]. Comp. by A. F. Belousov. Moscow: Ladomir: AST-LTD. Pp. 56–66. In Russian.

Mazalova N. E. (2009) Emotsii geroev russkogo eposa [The Emotions of Characters in Russian Epics]. In: Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN v 2008 g. [Radlovskii Collection: Volume: Scholarly Studies and Museum Projects of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences in 2008]. St. Petersburg: MAE RAN. Pp. 283–287. In Russian.

Matveeva E. G. (2017) Kogda dusha v pyatkakh, a glaza na lbu: markery strakha i rezhimy vovlecheniya v detskikh strashnykh istoriyakh [Soul in the Heels and the Eyes on the Forehead: Marks of Fear and Modes of Engagement in Children's Scary Stories]. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies]. 2017. No. 12 (33). Pp. 120–129. In Russian

Mirvoda T. A. (2021) “Strashnyi” fol'klor v Seti ili setevoi strashnyi fol'klor? K probleme opredeleniya i tipologizatsii strashnykh narrativov interneta [“Scary” Folklore on the Web or the Web's “Scary” Folklore? On the Problem of Defining and Typologizing Scary Narratives on the Internet]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2021. Vol. 22. No. 2. Pp. 68–80. In Russian.

Mirvoda T. A., Stroganov M. V. (2021) Strakhi i strashnye rasskazy detei v epokhu interneta [Fears and Scary Narratives of Children in the Era of the Internet]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text]. 2021. No. 4. Pp. 129–147. In Russian.

Piotrovskaya L. A., Trushchev P. N. (2020) Chto delaet tekst interesnym? Yazykovye sposoby povysheniya emotsiennosti uchebnykh tekстов [What Makes a Text Interesting? Interest-Evo-

king Strategies in Expository Texts from Russian School Textbooks]. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. No. 4. Pp. 991–1016. In Russian.

Plamper Ya. (2018) *Istoriya emotsii* [The History of Emotions]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. In Russian.

Pomerantseva E. V. (1975) *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klore* [Mythological Characters in Russian Folklore]. Moscow: Nauka. In Russian.

Remezova I. I. (2020) O strakhe i ego sotsio-kul'turnykh funktsiyakh. *Analiticheskii obzor* [On Fear and its Sociocultural Functions: An Analytical Review]. *Vestnik kul'turologii* [Herald of Culturology]. 2020. No. 4. Pp. 191–222. In Russian.

Robin K. (2007) *Strakh. Istoriya politicheskoi idei* [Fear. History of a Political Idea]. Moscow: Izdat. dom "Territoriya budushchego". In Russian.

Sapozhnikova I. V. (2008) K voprosu o sushchnosti strakha v mifologicheskom myshlenii [On the Question of the Essence of Fear in Mythological Thinking]. *Izvestiya Rossiiskogo gos. pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University]. 2008. No. 78. Pp. 12–19. In Russian.

Svendsen L. (2010) *Filosofiya strakha* [The Philosophy of Fear]. Moscow: Progress-Traditsiya. In Russian.

Sorochan A. Yu. (2015) *Diskursy uzhasnogo: k postanovke problemy* [Discourses of Horror: Toward a Problem Statement]. In: *Vse strakhi mira: Horror v literature i iskusstve* [All Terrors of

the World: Horror in Literature and Art]. St. Petersburg; Tver': Izdatel'stvo Mariny Batasovoi. Pp. 56–76. In Russian.

Taroeva R. F. (1965) *Material'naya kul'tura karel* (Karel'skaya ASSR). *Etnograficheskii ocherk* [Karelian Material Culture (the Karelian ASSR). Ethnographic Essay]. Moscow; Leningrad: Nauka. In Russian.

Traditsionnaya kul'tura (2021) [Traditional Culture]. 2021. Vol. 22. No. 2. In Russian.

Fol'klor i antropologiya goroda (2020) [Urban Folklore and Anthropology]. 2020. Vol. 3. No. 1–2. In Russian

Faizova G. I. (2008) *Strakh kak vazhneishaya kharakteristika chelovecheskogo bytiya* [Fear as the Most Important Feature of Human Existence]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University]. 2008. Vol. 13. No. 3. Pp. 628–630. In Russian.

Filimonova O. E. (2007) *Emotsiologiya teksta. Analiz reprezentatsii emotsii v angliiskom tekste: Ucheb. posobie* [Emotions of the Text: Analysis of Representating Emotions in an English Text: Study Guide]. St. Petersburg: Knizhnyi Dom. In Russian.

Frolova O. S. (2006) *Strakh kak fenomen kul'tury* [Fear as a Cultural Phenomenon]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region* [Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus Region. Social Sciences]. 2006. No. 59. Pp. 23–29. In Russian.

© A. M. Petrov, M. V. Pulkin, 2023

ABOUT THE AUTHORS

Aleksander M. Petrov <https://orcid.org/0000-0002-5095-4254>

E-mail: hermitage2005@yandex.ru

Tel.: +7 (8142) 78-18-86

11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Maksim V. Pulkin <https://orcid.org/0000-0001-8846-1781>

E-mail: mvpulkin@mail.ru

Tel.: +7 (8142) 78-18-86

11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

PhD in History, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)